

УДК 008:316.77

МИФ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ДИНАМИКЕ КУЛЬТУРЫ

А.Е. Фурсова

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет»
(г. Тверь)

Высвечивается широкая интерпретативность понятий «миф» и «рациональность» в динамике культуры. Концептуальное осмысление обоих понятий позволяет понять, в какой степени рациональный компонент сознания способен участвовать в построении мифологического образа в любом типе культуры, включая и современный. Автор стоит на позиции того, что стремление к мифизации действительности является неизменным следствием социокультурной природы человека.

***Ключевые слова:** миф, мифология, рациональность, типы культур, рефлексия, интерсубъективность.*

Становление категорий «миф» и «рациональность» в динамике культуры осуществляется под постоянным влиянием мировоззренческих концепций и философских интерпретаций социокультурной ситуации определенного времени. Широкая интерпретативность обоих понятий представляется скорее правилом, чем исключением: понятия столь высокой степени общности в науке остаются дискуссионными «навсегда» и это обеспечивает им возможность развития. Сегодня по-прежнему актуальной видится задача концептуального осмысления «мифа» и «рациональности». Данная статья посвящена вопросу о том, в какой степени рациональный компонент сознания может участвовать в построении мифологического образа.

Миф - форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающимися самостоятельными явлениями реальности. Миф представляет собой своеобразное опредмечивание коллективных фобий или удовольствий, оформленное в ярких и доступных образах массовых ожиданий, страхов и надежд. Исследователи констатируют, что единого мнения по поводу мифа в культуре гуманитарные науки не выработали до сих пор [4; 6, с. 14], подчеркивают неустранимость вопросов, возникающих в ходе осмысления мифа [6, с. 386].

На данном этапе понимания мифа выделяется три концептуальных решения проблемы. Согласно первому, миф определяется как продукт преимущественно архаического типа мышления, обладающего специфическими чертами, отличающими его как от традиционалистского (религиозного), так и от современного (рационального). Мифологическое сознание отличается синкретизмом (нерасчлененностью), вос-

приятием картин, рожденных творческим воображением человека, в качестве «неопровержимых фактов бытия» [3]. Для мифа не существует грани естественного и сверхъестественного, объективного и субъективного, причинно-следственные связи подменяются связью по аналогии с причудливыми ассоциациями. Исследователи архаической культуры подчеркивают ее тотальную мифологизированность, которая объясняется невыраженностью индивидуального в первобытном сознании, вследствие чего мышление осуществляется преимущественно в коллективных представлениях; чувственной конкретностью, аффективностью и синкретичностью мировосприятия, а также особенностями формирования категориальных классификаций, определяющих своеобразие архаического типа мышления.

Согласно другому подходу, сформировавшемуся в рамках постмодернистской ситуации, современный миф не просто существует, он является доминирующей формой функционирования сознания индустриальной культуры. Возникновение феномена массового сознания и бурное распространение средств массовой коммуникации способствуют трансформации понимания мифа. В связи с этим современный миф начинает рассматриваться как качественно иной продукт общественного сознания.

Третий подход к пониманию мифа видится, на наш взгляд, более сбалансированным, лишенным признания повышенной мифологизации культуры. С точки зрения его сторонников, миф сохраняет свою идентичность на всех стадиях становления культуры, но подвергается коррекции, обусловленной особенностями социокультурного мировосприятия. Миф в данной трактовке предстает как продукт системы неосознаваемых коллективных представлений и культурных диспозиций, как мировоззренческий феномен и, следовательно, явление универсальное, присущее и архаической культуре, и традиционалистической, и современной. Иными словами, стремление к мифизации действительности является следствием социальной природы человека.

Отличие мифа архаического от мифа современного, как это ни парадоксально, кроется в специфичности самих механизмов рациональной интерпретации коллективного образа применительно к конкретной ситуации. Специфика мифа на различных этапах становления культуры определяется не особенностями мифологических процедур восприятия, а особенностями построения суждения, т. е. рациональными компонентами сознания, определяющими современный культурно-исторический тип мышления.

Универсальность мифа проявляется в том, что на разных этапах становления культуры он генерируется механизмами, являющимися неотъемлемыми элементами самой культуры. Предпосылки к созданию мифа возникают уже на стадии восприятия. Механизм восприятия действительности человеческим сознанием предполагает типологизацию и институализацию ее проявлений, эмоциональное переживание воспри-

нимаемого образа в соответствии с неосознаваемой шкалой предпочтений, бессознательную «загрузку» образа социальными смыслами, «привязку» к существующим смысловым конструктам. Кроме того, обязательным условием мировосприятия является его целостность, когда любой объект или явление воспринимается как часть всеобъемлющей целостной системы мироздания – картины мира.

Созвучным современности является утверждение о том, что миф как первичная фаза целостного дотеоретического общего мировоззрения составляет неотъемлемую часть любого типа культуры. Появление развитых систем рационально-понятийного знания не приводит к одновременному вытеснению из духовной сферы общества элементов мифологического сознания. В чем это проявляется? Во-первых, мифологическое сознание постоянно воспроизводится на уровне спонтанного житейского опыта и практического сознания (мечты, ожидания, надежды, страхи). Во-вторых, мифологическое сознание проявляется в ситуациях, связанных с необходимостью коллективного социального действия, основанного на беспрекословном подчинении чужой воле (харизматический лидер, социальные мифы).

Таким образом, миф «таится» в тех областях человеческого существования, где рациональное мировоззрение либо не занимает господствующего положения, либо по каким-то причинам его теряет. Это происходит в силу ряда причин: 1) когда наблюдается смена идеалов рациональности; 2) когда ведется поиск мировоззренческих оснований новой исторической эпохи; 3) когда происходит трансформация старого типа общественного устройства; 4) когда меняется научная парадигма в частных науках; 5) наконец, когда появляются новые области знаний или теоретических систем.

Зародившись как универсальная форма дотеоретического сознания, миф присутствует и сегодня в различных сферах духовно-практического освоения реальности. Роль его при этом неоднозначна. С одной стороны, очевидна позитивность мифизации массового сознания; «гносеологические» мифы присутствуют в структуре научного знания (платоновский миф о «пещере»); миф проявляется как «магический реализм» в литературе и искусстве. С другой стороны, современная политическая мифология нередко используется политическими организациями и властными структурами для целенаправленного программирования массового сознания, создания лояльного (или агрессивного) настроения. В индивидуальном измерении миф функционирует как психологическая установка, направляющая социальное действие, в массовом измерении – как интегрирующая сила, направляющая состояние толпы.

Каждый представитель культурного сообщества, являясь носителем одной и той же коллективной картины мира, в конечном счете моделирует свой собственный миф, в соответствии со своими интеллектуальными возможностями. В то же время, в силу идентичности культур-

ных диспозиций и символических иерархий, мифы представителей одного культурного сообщества будут отличаться гомогенностью, представлять собой непрерывно актуализируемый набор пересекающихся, взаимовлияющих, взаимодополняющих культурных форм в границах, задаваемых диспозициями мифологической матрицы.

Так как миф выступает обычно в форме заключения по поводу реальности, можно предположить, что при его создании будут задействованы механизмы рефлексии, следовательно, в создании мифа принимают участие как мифологические, так и рациональные структуры сознания. Миф, таким образом, представляет собой сложный конгломерат, в котором мифологические процедуры взаимодействуют с рациональными стратегиями их адаптации к актуальной действительности в рамках, задаваемых мифологическими основаниями картины мира. Исследователи единодушны в суждении о том, что механизмы формирования мифологической матрицы ничем принципиально не отличаются у представителей различных культур. Другое дело механизмы легитимации и институализации воспринимаемого образа. Они напрямую зависят от уровня сформированности рациональных процедур мышления. В силу этого миф может выступать как в форме ассоциативного высказывания по конкретно-ситуативному основанию, сформулированному в субъективных понятийных комплексах и характерном для архаической культуры, так и в форме логического дискурсивно-аналитического утверждения.

Проблема рациональности состоит в выяснении смысла «разумности» как предикации (бытия, действия, отношения, цели и т. д.). В истории философской мысли, начиная с Античной эпохи, постулировалась разумность бытия, мышления и деятельности. В трудах Аристотеля, Платона, Декарта, Спинозы, Канта и Гегеля обозначена классическая попытка решения этой задачи. Вопрос о Разуме считался непроблематичным в силу того, что весьма успешно, как казалось философам, изучались его основные свойства. Наличие этих свойств должно было свидетельствовать о рациональности, а его отсутствие – о нерациональности. Оставалось только установить эти свойства.

«Логоцентрическая» парадигма европейской философии, сложившаяся в Античности и достигшая своей наиболее законченной формы в классическом рационализме, базировалась на убеждении в абсолютности и неизменности законов Вселенского Разума, постигаемых человеком и обнаруживаемых им в собственной духовной способности. От Аристотеля берет свое начало тенденция уравнивать «рациональность» и «логичность»: все, что соответствует законам логики, рационально, то, что не соответствует этим законам, нерационально, то, что противоречит логике, иррационально.

Декартово «*cogito ergo sum*» в свернутой афористической форме представило рациональность как онтологию разума, как человеческую способность конституировать понятия и последовательно их связывать

в логические цепочки. Согласно Р. Декарту, деятельность разума и ее результат, находящиеся в строгой корреляции, задают как определенное (рациональное) «видение» мира и человека, так и рациональное их объяснение и изучение. Благодаря И. Канту, установлено различие между мыслящим себя мышлением и познанием. Благодаря Г. Гегелю, субъективность мышления осмыслена как одно из проявлений сознания (объективного Духа, в его терминологии). М. Хайдеггер показал, что понимание – это не просто некий акт субъективного сознания данного эмпирического индивида, а способ бытия. Представители герменевтики раскрыли место языка как способа мироистолкования и тем самым его формообразования. Однако все эти определения производились сознанием, и ничем иным произведены быть не могли. Налицо ситуация, которую по аналогии с герменевтическим кругом можно назвать «кругом сознания»: осмысление разворачивается «внутри» («в круге»), определяется (ограничивается) и наполняется (осознается) сознанием [1, с. 14].

Современная трактовка рациональности сводится к многообразию форм intersубъективности понятий, суждений и действий (в том числе находящихся свое воплощение в науке) и является одной из основных ценностей, образующих горизонт культуры. Откуда берет начало современный спор о рациональности? Возможно, это реакция на саморазрушение современного мышления, скорее всего это спор о границе, до которой докатилось это саморазрушение. «Эпицентром этих споров сегодня стала наука - последний бастион, сопротивляющийся демифологизирующей работе человеческой критики, - констатируют современные исследователи [7, с. 24]. Наука стала одним из важнейших защитных механизмов культуры.

К. Хюбнер выделяет пять основных форм intersубъективности (т. е. общезначимости, обеспечивающей продуктивную интеллектуальную коммуникацию), в которых проявляет себя рациональность [8, с. 220–264]:

- 1) семантическую intersубъективность (ясность и общая приемлемость понятий и построенных из них суждений);
- 2) эмпирическую intersубъективность (обоснованность чьих-либо высказываний эмпирическими фактами, бесспорными для всех участников дискуссии);
- 3) логическую intersубъективность (обоснованность высказываний логическими выводами);
- 4) операциональную intersубъективность (ясность, воспроизводимость и общеприемлемость определенных образцов деятельности);
- 5) нормативную intersубъективность (ясность, понятность и согласие относительно правил поведения).

Следует заметить, сам К. Хюбнер признается, что эти формы соответствуют лишь имеющимся интуициям и «что претензии на точные дефиниции в данном случае не могут быть выдвинуты». «Меня интересует не что такое рациональность как таковая, а в каком смысле употребляется сегодня это слово. Следовательно, я пытаюсь только... выра-

ботать правила нашей современной “языковой игры”, пронизанной идеалами науки», - пишет К. Хюбнер [8, с. 384]. Иначе говоря, о рациональности можно говорить по правилам, принятым в современной культуре, язык которой испытывает мощное воздействие науки и ее истории. Но интуиция «интерсубъективности» ведет к выводу, чрезвычайно важному для К. Хюбнера, но шокирующему всех тех, кто видит в науке парадигму рациональности: большинство противопоставлений «рациональной науки» и «иррационального мифа» неверны и не имеют убедительных методологических оснований. Если рациональность - это многообразие форм интерсубъективности понятий и суждений, то миф не менее рационален, чем наука.

Сегодня исследователи соглашаются с тем, что «разумность» и «логичность» не синонимы. Дело не только в том, что логически корректными могут быть и вполне бессмысленные «умозаключения». «Разумность» некоторой системы может быть определена такими, например, признаками, как целесообразность, эффективность, экономия средств для достижения цели, гармоничность и согласованность элементов, объяснимость на основании причинно-следственных зависимостей, систематичность, успешная предсказуемость и другие подобные свойства и характеристики. Идеал рациональности, выработанный классическим рационализмом, охватывает всё, возможно, бесконечное множество таких характеристик; в этом смысле идеальная рациональность - это совпадение с Абсолютным Разумом. Однако рациональность как характеристика умственных и практических действий человека, понимается, не совпадает с этим идеалом. Поэтому для ее описания «выбирают» те свойства, которые полагаются существенными. В зависимости от этого выбора, имеющего исторически и культурно обусловленный характер, «рациональность» предстает в различных формах. Отсюда - возможность исторической типологии рациональности (античная, средневековая рациональности, научная рациональность Нового времени, «неклассическая» рациональность науки первой половины XX в. и т. д.). Отсюда же - восходящее к Средним векам и увенчанное в философии И. Канта различие «рассудка» и «разума» (соответственно рассудочной и разумной рациональности). Рассудочная рациональность оценивается по определенным (и достаточно жестким) критериям (законы логики и математики, правила и образцы действия, каузальные схемы объяснения, принципы систематики, фундаментальные научные законы и др.). Разумная рациональность - это способность оценки и отбора критериев, их обсуждения и критики, она необходимо связана с интеллектуальной интуицией, творческим воображением, конструированием и т. д. Разумная рациональность выступает как основание критической рефлексии над рассудочной рациональностью.

Рациональность связана с целесообразной деятельностью человека. Рационально выглядит все то, что способствует достижению по-

ставленной цели – мысленной или практической. Рациональность – продукт времени и истории. Так устроен разум человека, что он постоянно должен пересматривать свои основания. Историчность рациональности закрепляется intersubъективно. В современной трактовке рациональность сводится к многообразию форм intersubъективности понятий, суждений и действий (в том числе находящихся свое воплощение в науке) и остается одной из основных ценностей, образующих горизонт культуры. Формообразующим началом рациональности выступает семантическая, эмпирическая, логическая и нормативная intersubъективность. Для мифологического сознания, наоборот, характерно то, что в нем осуществляется совпадение чувственного образа, полученного от каких-то элементов внешней окружающей действительности, и общей идеи. Здесь эмоциональная сфера соединена с рефлексивной, предмет совпадает с символом, вещь со словом и жестом, существо с его именем, происхождение с сущностью.

Современные массмедийные средства специфическим способом дают дополнительную возможность потребителю мифологизации испытать особого рода удовлетворение от переживания иллюзии самоидентификации или самоутверждения. Вопрос мифологизации современной культуры средствами массмедиа изначально был рассмотрен в ряде работ Н. Лумана. Как мифотворящие формы культуры, массмедиа создают эффект «удвоения» реальности. Такая «реальная реальность», по мнению немецкого социолога, имеет специфические свойства: она возникает в результате коммуникаций, протекающих внутри массмедийной системы, но предназначена при этом для внешнего и массового адресата [5, с. 11–12]. Исключая техническую сторону циркуляции информации, Н. Луман предлагает воспринимать коммуникацию двояко: с одной стороны, как самореференцию – «понимание» с точки зрения субъективного «Я», выполняющего в процессе восприятия факта некую последовательность определенных операций, с другой – как «инореференцию» – последовательность «наблюдающих» операций, т. е. «принятие» этих операций с точки зрения «Другого».

Особенностью массовой коммуникации, в сравнении с повседневным общением, является то, что в этом случае трудно определить актуально задействованный круг адресатов. Отсутствие такого «явного присутствия» компенсируется иллюзорной реальностью. Отдельный человек невольно становится в качестве «наблюдателя» того, что предлагают ему средства массовой информации. Такая неосведомленность пользователя в определенной мере имеет и свое преимущество: коммуникация в этом случае не блокируется, например, в результате неуспеха или некоего противоречия, а, наоборот, человек имеет возможность «подыскать» себе новую, более благоприятную атмосферу получения и признания той или иной информации.

Современные средства массовой информации являются «идеальной мифологической машиной». Н. Луману удалось вскрыть механизм появления и обнаружения удвоенной реальности, создаваемой системой массмедиа. Стремясь адекватно разобраться в информации, которую преподносят средства массовой информации, субъект сначала выполняет роль «наблюдателя» и воспринимает предлагаемые ему факты, при этом практически одновременно он занимает позицию «наблюдателя второго порядка», т. е. «наблюдателя наблюдателя» [там же, с. 13]. Тем самым развивается спираль многократно повторяющихся рефлексий наблюдения и самонаблюдения. На основе взаимного наблюдения выстраивается «понимание» различий между перспективами восприятия. В результате пользователь информации сам создает себе такую иллюзорную реальность, в которой ему удобно и приятно.

Таким образом, миф как способ самореференции культуры определенным образом организует и упорядочивает сложную и противоречивую действительность. Сталкиваясь с фактами, субъект пытается получить больше информации, чтобы выработать собственное представление о ней, т. е. сложить как можно более многогранную картину того или иного события. Полученный образ и есть результат мифологизации сознания массмедийного потребителя, поскольку воспринимается им как «реальная реальность».

Есть и обратная сторона подобного взаимодействия массмедиа и широкой аудитории: между фактом и реальным откликом на события лежит огромная дистанция. Получая массу сообщений, человек практически утрачивает чувство реальности [2, с. 685]. Избыточный поток новостей приводит к определенному рода усталости, в результате чего получатель информации уже не хочет или не может психологически «приводить себя» в состояние «непосредственной реакции». Отчаявшись повлиять на события, большинство пользователей средств массовой информации привыкают относиться к фактам «спокойно». Такая психологическая спокойность и невосприимчивость к сообщениям таит в себе опасность деполитизации и снижения гражданских чувств.

Доступность интернет-технологий существенно влияет на динамику поведения человека. Стали обычными для пользователя Интернета такие обозначения, как «висеть в Сети», «производить поиск информации» («погуглить»), «быть в контакте», «чатиться» и др. Подобный стиль поведения уже не предполагает концентрированного чтения неподвижных текстов. Соответственно изменяются и способы восприятия информации: качество коммуникации доминирует над смыслом, риторика довлеет над герменевтикой. В сетевых информационных банках приобретают особое значение не глубина и иерархия «линков», а их «распространенность» и «присоединяемость».

Современным микроблогам присущ своеобразный синтаксис. В частности, в «Твиттере» - новой форме коммуникации, которая на сего-

двухдневный день объединяет уже более 200 миллионов пользователей, - сложился простой, но процедурно строгий стиль общения: ограничение размера сообщения в 140 символов, возможность присоединения изображения, геометки, упоминания других пользователей и т. д. В этом случае сообщения не датируются конкретным временем отправления, но ведется отсчет времени, прошедшего с момента написания «твита». Простота восприятия, с одной стороны, и богатство форм передачи различных смысловых нюансов, с другой, позволяют пользователям микроблога с помощью ограниченного числа исходных элементов создать индивидуальный специфический тренд, закрепленный во времени и пространстве. В результате происходит своеобразная мифологизация сознания: у пользователя создается эффект постоянного «присутствия» в большом сообществе. В определенной мере это способствует снижению экзистенциальной напряженности жизненных сил человека, когда исчезает, пусть и на время, «ощущение-собственного-одиночества» [5, с. 133].

В качестве общего вывода отметим, что анализ соотношения мифологического и рационального компонентов культуры позволяет сформулировать ряд суждений объединяющего характера. По своей природе миф и рациональность самым непосредственным образом пересекаются в плоскости задачи упорядоченности картины мира. В исследовательской среде сложились три концептуальных решения проблемы соотношения мифа и рациональности: 1) миф – продукт преимущественно архаического сознания; 2) миф – доминирующая форма функционирования общественного сознания индустриального типа культуры; 3) миф – явление универсальное, следовательно, он свойствен любому типу культуры; стремление к мифизации окружающей действительности является следствием социокультурной природы человека. В русле третьей концепции миф может быть охарактеризован как способ самореференции любого типа культуры: архаической, традиционалистской, индустриальной и современной. В этом случае он предстает как продукт системы неосознаваемых коллективных представлений и культурных диспозиций, как мировоззренческий феномен, свойственный любому типу культуры.

В динамике культуры наблюдаются разные «истории» взаимоотношения мифа и рациональности. В Античной эпохе рациональность предстает как преодоление мифа, в культуре Нового времени наблюдается очевидная экспансия рациональности, в современной культуре мифологическое и рациональное представлены в неразрывном единстве. Процесс формирования мифа предполагает взаимодействие мифологических и рациональных компонентов сознания, которые невозможно рассматривать в отрыве друг от друга. Такое переплетение, взаимосвязь и взаимодополнение можно сравнить с принципом «меланжевой нити», где каждый компонент культурного полотна «присутствует» всегда то в скрытом, то в очевидном виде.

Как мировоззрение социализированного индивида, так и процесс мировосприятия характеризуются их взаимодействием и взаимопроникновением. В процессе мировосприятия каждый компонент сознания выполняет двойственную роль: мифологическое определяет отношение социокультурных смыслов, лежащих в основе мировоззрения, и выступает в качестве критерия их отбора и иерархизации в процессе мировосприятия; рациональное определяет процесс адаптации коллективной картины мира к существующей реальности и процесс легитимации реальности в рамках существующей картины мира.

Список литературы

1. Брысина Т.Н. Что такое рациональность // Рациональность и ее метаморфозы: сб. науч. тр. Ульяновск, 2000.
2. Гуревич П.С. Социальная мифология / Гуревич П.С. Психология. М., 2005.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1994. С. 393–646.
4. Лосева М.А. Мифологическое в смысловом контексте современной культуры: автореф. дис. ...д-ра. филос. наук. М., 2010.
5. Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005.
6. Найдыш В.М. Философия мифологии. От Античности до эпохи романтизма. М., 2002.
7. Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002.
8. Хьюбнер К. Истина мифа: пер с нем. М., 1996.

MYTH AND RATIONALITY IN THE CULTURAL DYNAMICS

A.E. Fursova

Tver State Technological University (Tver)

The article is aimed at the uncovering of the wide interpretive scope of the notions of «myth» and «rationality» in the cultural dynamics process. The conceptual meaning of both notions gives a chance to understand to what degree the consciousness' rational component can be involved in the mythological image creation in any cultural type including a contemporary one. The author comes to the conclusion that the mythological vision of reality is the necessary outcome of the social and cultural character of human nature.

Key words: *myth, mythology, rationality, culture types, reflexion, intersubjectivity, mass media.*

Об авторе:

ФУРСОВА Анна Евгеньевна – аспирантка кафедры психологии и философии ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технической университет, e-mail: annafurso@gmail.com